

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «АРХИЕРЕЙ»

Коковина Н. З.

Тематически рассказ «Архиерей» можно отнести к жанру пасхального рассказа, но к 1900-м годам, благодаря Ф. М. Достоевскому, Н. С. Лескову, М. Е. Салтыкову-Щедрину, а затем А. П. Чехову, Б. К. Зайцеву и другим авторам, происходит качественное обновление этого жанра. Незатейливый рассказ, легко укладывающийся в канон душеспасительного текста, обогащается концептуально, в повествование вводятся духовно-философские раздумья, характерные в целом для русской литературы этого времени.

Структура пасхального рассказа формируется в соответствии с канонem праздничного времени, который провоцирует особые, присущие лишь этому празднику сюжетные ситуации, предполагающие прежде всего духовное преображение личности, способной в порыве любви и веры "простить и принять прощение". Идеи конечности или бесконечности мира, смерти как предела индивидуального бытия или возможности *воскресения* весьма характерны для русской философской и художественной мысли того времени.

Нужно отметить и особое внимание писателей к эмоционально-психологическому и духовно-нравственному состоянию человека в дни Великого праздника, что реализуется в повышенной эмоциональности повествования. Описание событий пронизано настроением радости, совершенно необходимым для пасхального рассказа.

Многие из обозначенных особенностей присущи и рассказу Чехова, хотя в «Архиерее» присутствуют и некоторые разрушительные для жанра тенденции.

Структуру рассказа определяет целый ряд антиномий. Так, духовное в нем подчеркнуто соотнесено с удручающей повседневностью. Свой страстной путь преосвященный Петр проходит, преодолевая суету повседневных дел и забот: нужно принять двух богатых дам, архимандрита, "молчаливого и глуховатого", купца-жертвователя, написать "тысячи бумаг". Его поражает "пустота, мелкость всего того, о чем просили, о чем плакали"; "все это мелкое и ненужное угнетало его своею массою". И теперь он понимал епархиального архиерея, который "когда-то, в молодые годы, писал "Учения о свободе воли", теперь же, казалось, весь ушел в мелочи, *все позабыл* и не думал о боге". Так возникают в рассказе, сложно переплетаясь и диссонирuя, мотивы памяти и забвения. Правда, автор мотивирует тяжелое настроение героя тем, что «ему нездоровилось». Действительно, болезнь "объясняет" многое. Боль и усталость лишают преосвященного жизненных сил, делают тягостными даже богослужения, которые он всегда любил, заставляют прислушиваться к себе, искать в прошлом недостающее ощущение счастья и полноты жизни. Не случайно первое даже не воспоминание, а чувство, эмоциональное пробуждение, мотивированное появлением матери, кажется ему сном или бредом. Связь слез с присутствием "старухи, похожей на мать", которая "глядела на него весело, с доброй, радостной улыбкой", как бы "скрыто" от сознания героя: "на душе было покойно, все было благополучно", но "почему-то слезы потекли у него по лицу".

И едва преосвященный оказывается в своей келье, мысли о матери вновь соединяются с молитвой. Это еще не воспоминание в полном смысле слова: "У нее было девять душ детей и около сорока внуков. Когда-то со своим мужем, дьяконом, жила она в бедном селе, жила там очень долго, с семнадцати до шестидесяти лет". И здесь выявляется еще одна важная функция воспоминания: оно позволяет воссоздать биографию героя в ее временной последовательности, восстановить причинно-следственный ряд, объясняющий нынешнее состояние героя. Многие сведения о его жизни и воспоминаниями не назовешь, пока они не дополняются его чувствами и настроениями. Так происходит и здесь. Следующие строки обращают

нас к детству героя, его детским чувствам к матери: "Преосвященный помнил ее с раннего детства, чуть ли не с трех лет и - как любил!", или: "когда в детстве или юности он бывал нездоров, то как нежна и чутка была мать!" И далее уже "молитвы мешались с воспоминаниями, которые разгорались все ярче, как пламя".

Таким образом, художественное время "Архиерея" упорядочено: выстраивается *жизненный путь* героя от воспоминаний преосвященного о детстве и за границе до забвения о нем самом всеми, кроме матери. Но помимо индивидуального бытия архиерея можно говорить и о существовании его в ряду предков: отец преосвященного "был дьякон, дед - священник, прадед - дьякон, и весь род его, быть может, со времен принятия на Руси христианства, принадлежал к духовенству". Анализируя временные ряды, В. И. Тюпа пришел к выводу о том, что "глубинными хронологическими и ценностными полюсами жизни в "Архиерее" обнаруживают себя, с одной стороны, дольная временность мерно длящегося настоящего (рассказ буквально пронизан временными метками лет, дней, часов), с другой - горняя вечность бытия. В универсуме с такой системой координат событие смерти оказывается всего лишь уходом из временности и приобщением к вечности".

Страстная седмица преосвященного Петра - путь от молитвы к молитве. События повседневной жизни располагаются между заутренями, обеднями, всенощными. Только во время службы он чувствует успокоение. Молитва всегда создает особое состояние души, возвышая ее, приобщая к божественному. Но в рассказе она, освобождая от суетного, обращает преосвященного не столько к Богу, сколько к прошлому: "молитвы не мешали думать о матери". Автор как бы оправдывается за героя, ведущего службу, а думающего о своем, оправдывает тем, что "...любовь его к церковным службам, духовенству, звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой; в церкви он, особенно когда сам участвовал в служении, чувствовал себя деятельным, бодрым, счастливым".

Впрочем, и в воспоминаниях происходящее часто ограничено пространственно-временным полем молитвы.

Воспоминание о матери неизменно обращает героя к детству. Из раннего детства всплывает ряд несвязных, но забавных эпизодов, незначительных, но вызывающих ощущение радости и счастья: "о, как сладко думать об этом". Для чеховского архиерея это время, когда он ходил за иконой по деревням "с наивной верой, с наивной улыбкой, счастливый бесконечно". Уже в разговоре с матерью преосвященный вспомнит свою тоску по дому за границей: "заиграет музыка, и вдруг охватит тоска по родине, и, кажется, все бы отдал, только бы домой, вас повидать".

И Вербное воскресенье проникнуто ощущением счастья от встречи с матерью, и от весны - "во время обеда в окна со двора все время смотрело весеннее солнышко и весело светило на белой скатерти..." Но "настроение переменялось как-то вдруг". Автор объясняет это нарастающей болезнью, но мы уже видим, что этот мотив достаточно ослаблен. Вообще обращение к прошлому перед лицом предсмертной болезни в желании подвести своеобразный итог - достаточно устойчивый в литературе ход. Нередко в таком случае память обретает статус совести, ведущей к осознанию греха, покаянию. Но архиерей "чувствовал не раскаяние в грехах, не скорбь, а душевный покой, тишину и уносился мыслями в далекое прошлое", хотя, очевидно, подсознательно тревога за будущее провоцирует активизацию памяти. Впрочем, в сознании преосвященного мысль о смерти "подавлена", он откладывает на будущее какие-то заботы: надо еще помочь Кате, поговорить с Сисоем. Потому смерть в определенной мере оказывается "неожиданной" и для читателя, хотя некоторые фразы должны были его насторожить. Например, в начале рассказа: "Все было приветливо, молодо, так близко, все - и деревья, и небо, и даже луна, и хотелось думать, что так будет всегда". Пожалуй, единственный раз, когда преосвященный "открыто" подумал о смерти, - во время вечера во вторник: "чего-то еще не доставало, не хотелось умирать; и все еще казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем смутно мечталось когда-то, и в настоящем волнует та же надежда на будущее, какая была и в детстве, и в академии, и за границей". В дальнейшем же

этот мотив не развивается, а смерть предстает как освобождение от регламентированности и отчуждения.

Очевидно, более сильным мотивом обращения к прошлому является не болезнь, а чувство одиночества, ощущение разорванности связей, даже с матерью, вызванное "почти-тельным, робким выражением лица и голоса" у нее. Потому прошлое и воспринимается как некий идеальный мир счастья, любви, взаимопонимания, а смерть предстает не пределом, рубежом, а возвращением к гармонии. Архиерей сам осознает момент идеализации прошлого: "милое, дорогое, незабвенное детство! Отчего оно, это навеки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется светлее, праздничнее и богаче, чем было на самом деле?" Как видим, воздействуя на чувство и мысль, преображая прошедшее, воспоминание окрашивает его ностальгическими чувствами.

Следующая ночь - следующий виток воспоминаний, но каких-то сухих, информационных, восстанавливающих биографическую канву, освещенных давешним раздражением. Может быть, поэтому и заканчиваются они словами: "все прошлое ушло куда-то далеко в туман, как будто снилось...".

Таким образом, благодаря воспоминаниям в повествовании сменяются, чередуются события, происходящие сейчас, "на глазах" у читателя, и отнесенные в прошлое, осознанно или неосознанно возникающие в памяти героя. Отношения между этими временными планами редко бывают нейтральными. Но в конечном счете антиномия *настоящее - прошлое* на философском уровне перерастает в отношения между *бренным и вечным*, размывается включением в общий поток времени. Предположение о том, что, "быть может, на том свете, в той жизни мы будем вспоминать о далеком прошлом, о нашей здешней жизни с таким же чувством", окончательно разрушает антиномичность повествования.

Эта мифологическая бессобытийность циклического времени, составляющая фон сюжетного события смерти-воскресения, мотивирована сознанием Петра, вновь становящегося Павлушей. "Это преображение осознается благодаря матери, которая в присутствии *преосвященного Петра* прежде *робела, говорила редко и не то, что хотела, искала предлога, чтобы встать*, и вообще *чувствовала себя больше дьяконицей, чем матерью*, а теперь возле умирающего *уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, называя вновь Павлушей и сыночком*".

Потому смерть и следующее за ней *забвение* воспринимаются архиереем как освобождение и соединение с людьми. В определенной мере такое ощущение давала церковная служба. В церкви ему *"казалось, что это все те же люди, что были тогда, в детстве и в юности, что они все те же будут каждый год, а до каких пор - одному Богу известно"*. Служба дает ощущение сопричастности, слияния с людьми, хотя бы формального. Сан его с ними разделял, обрекая на одиночество, безликость, забвение становится символом соединения.

Момент смерти размывается отсутствием самого слова "смерть", замененным идиомой "приказал долго жить". В финале вновь образуется сложный ряд временной протяженности: от остановки собственного времени ("все то, что было ... уже более не повторится, не будет продолжаться") к общей длительности (в пасхальный день "было весело, все благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем").

Символика воскресения Павлуши, отмеченная В. И. Тюпой и Ю. В. Доманским, роднит "Архиерея" с пасхальным рассказом, но понимание "простой жизни", с которой мечтает слиться преосвященный и которая торжествует в финале, на наш взгляд, оказывается шире религиозного толкования. Предсмертное воспоминание замещается грёзой: "он уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!" Счастливая, какая-то другая, а не вседневная жизнь.

И в описании наступившего на следующий день пасхального праздника традиционно подчеркнута ликование природы, усиливаемое звоном колоколов: "гулкий радостный звон с

утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило". Но в праздновании Пасхи выделено только мирское: "На большой базарной площади было шумно, колыхались качели, играли шарманки, визжала гармоника, раздавались пьяные голоса". И как итог: "одним словом, было весело, все благополучно". Уход архиепископа остался незамеченным. Потому, естественно, "через месяц ... о преосвященном Петре уже никто не вспоминал. А потом и совсем забыли".

Остается горькое чувство, с которым примиряет лишь желание самого преосвященного стать неприметным.